

СОБАЧЬЯ ПЛОЩАДКА

Источник: А. Соболев. Человек за бортом. Повести и рассказы. М.: "Книгописная палата", 2001. -- 320 с.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко, февраль 2008. <http://belousenko.com/>

Когда-то особнячок был на виду, но в 1911-м пятиэтажный -- доходный! -- рыжий дом пролез вперед, кирпичный мужлан вогнал деревянного старичка в глубь двора, нагло, не стесняясь. Никакого почтения к прошлому, а помнил особнячок севастьяпольскую кампанию, у себя в зальце с белыми колонками принимал Масальских, Щербатовых, Волконских, и еще до сих пор у крайнего овального окна стоит кресло, в котором приезжий заграничный гость, великан с серебристой бородой, рассказывал о прекрасном голосе приятельницы своей Виардо.

А в 1919-м оказалось, что на счастье это -- вот уж не знаешь, где найдешь и где потеряешь, -- не уплотнили, ореховую шифоньерку с замысловатыми тайными ящичками не приспособили для канцелярии Оккмы (в Оккме старший сын бывшего прокурора, Василий) или для хранения дел Упшосса -- в Упшоссе дочь Валентина регистраторшей.

Хорошо, когда в глубь двора, на задворки -- и турецкая оттоманка осталась.

И дни и ночи проводит на ней старый прокурор Анатолий Федорович Башилов -- Златоуст московский; еще в 1917-м по виду хоть под венец или на два-три тура вальса в Дворянском, а в 1919-м пополам перегнувшийся, с губой отвислой и дрожью в коленных чашечках.

Оттоманка -- и кабинет, и столовая, и спальня; все вместе, все на оттоманке: тарелка с селедочным хвостом, картуз с махоркой, желтая обложка "Исторического Вестника" и пальто бурое, с заплатами на локтях. А портьеры, фарфор, серебро еще в начале девятнадцатого уплывают на Сухаревку, Боровиковского уносят, шахматы китайские.

В марте еще острит Василий, теперешний начканц Оккмы:

-- Я моль: съел фрак, теперь ем шлафрок.

И кричит с оттоманки старый прокурор:

-- Освободи меня от этих мерзостных советских анекдотов. -- А уж в декабре 1919-го и кричать перестал.

В ноябре 19-го около оттоманки два градуса ниже нуля. И тихонечко с крылечка сходит второй сын, Коля. Ему пятнадцать лет, в карманах "Ира", "Ява" и шведские спички. Анна Владимировна до ворот провожает, в калитке крестит Колю, за воротами Собачья площадка в сугробах, узкогрудый Коля посреди, как заблудившаяся собачонка, -- и стремглав бежит Анна Владимировна обратно:

-- Господи! Господи! -- Но должен же Реомюр подняться.

Упорен Реомюр: поднявшись в среду, в пятницу опять падает.

"Иру" сменяют пирожки, пирожки -- ирис кромский, а Собачьей площадке ни то ни другое не по нутру: не берет, не ест, только снегом скрипит. По ночам на углу Трубниковского, на углу Дурновского, Спасо-Песковского воют псы -- спать не дают старому прокурору. Кто знает, чьи они: бездомные, или хозяйские, но без кормежки? -- и ночью оттоманка -- пытка, пытка под всем барахлом, что собирает в дому Анна Владимировна и укрывает.

Днем -- другая пытка: на буржуйку Анна Владимировна ставит два утюга и на утюги горячие льет воду, чтоб Реомюр подпрыгнул: жестяно скрежешет печурка, по утюгам прыгают шарики, кружатся шибко, и бьет пар. Уже минут через десять пахнет баней.

-- Убери, убери! -- молит прокурор. -- Лучше мерзнуть собакой, чем эти сандуновские.

Анна Владимировна бросается к утюгам, тащит, обжигая пальцы, и в белой зальце, прижавшись к колонке, в белом зальце тихо стонет, сама белая.

Все белым-бело: зальца, лицо, окна, Собачья площадка, Москва, Скарятинские, Кречениковские, Борисоглебские...

Что губит Колю -- "Ява" ли, ирис ли, или смоленские сугробы -- кто знает и кто сможет поведать? Но Колька (уже не Коля) погублен навеки: только ночевать приходит.

-- Пороть! Пороть! -- мечется прокурор по оттоманке.

А оттоманка хихикает измочаленными пружинами: знает старушенция, что насчет порки надо надолго воздержаться.

Надолго ли? Надолго, уверяет Колька, комсомолец городского района, и, пристегнув к выцветшей